

Услышав слова о культивации, Хуа Чжаошуй словно перед лицом врага и поспешно произнёс:

— Я обязательно буду усердно практиковаться. Учитель, а если я буду стараться изо всех сил, но прогресса не будет, ты прогонишь меня?

Шэн Цзяньвэй хлопнул его по спине и довольно недовольно отозвался:

— Если продолжишь говорить ерунду, отправлю тебя к Нин Чжи чистить его птичье гнездо. Будешь заниматься этим триста лет.

Хуа Чжаошуй почти никогда не видел, чтобы учитель говорил так строго. Увидев его недовольное выражение лица, он сразу же замолчал и покорно последовал за ним.

Шэн Цзяньвэй привёл его к Пруду Расколотого Снега и велел оставаться рядом, медитируя и регулируя дыхание. Но тот, просидев недолго, начал клевать носом и несколько раз чуть не упал. Шэн Цзяньвэй вздохнул, не стал настаивать, поддержал его и произнёс:

— Просто поспи здесь.

Хуа Чжаошуй вздрогнул, ненадолго пришёл в себя, поспешно выпрямился, моргнул и, обманывая самого себя, сказал:

— Учитель, я не хочу спать.

Шэн Цзяньвэй промолчал, но за его спиной поднялся ветер. Хуа Чжаошуй обернулся и увидел огромные белые крылья журавля. Взметнувшись с порывом ветра, они мягко укутали его. Хуа Чжаошуй был удивлён. Хотя он знал, что истинный облик учителя — белый журавль, но видел его впервые, и это вызвало любопытство. Он осторожно протянул руку и коснулся крыла. Ощутил мягкость, а прежнее давление исчезло — явно учитель намеренно смягчил свою мощь.

— Учитель... — Хуа Чжаошуй уже прижался к белому крылу и неуверенно позвал.

Шэн Цзяньвэй взглянул на него, и огромные крылья мягко обняли его. Тон был обычным:

— У Пруда Расколотого Снега холодно, так что спи здесь.

Хуа Чжаошуй действительно очень хотел спать. Услышав это, он с радостью согласился и уютно устроился под защитой учителя. Засыпая, он в полудреме думал: крылья учителя тёплые и мягкие, а крылья Звездного Владыки Нин Чжи такие противные, только пугают.

Он быстро уснул. Шэн Цзяньвэй погладил его по волосам и тоже погрузился в медитацию. Ветер, снег и время, казалось, остановились. Пруд Расколотого Снега был настолько тих, словно не принадлежал ни одному живому существу.

Прошло много времени. В мире людей сменилось несколько лет. Нелюбимый многими Звездный Владыка Нин Чжи пришёл к Пруду Расколотого Снега. Едва он произнёс «Цин Ду», как взгляд Божественного Владыки заставил его проглотить слова. Он заглянул внимательнее и с недоумением спросил:

— Цин Ду, редкость! Сегодня почему решил погреться на солнце, расправив крылья?

Услышав это, крыло медленно отодвинулось, обнажив пушистую голову, спрятанную под ним. Нин Чжи заглянул, протяжно произнёс «О-о-о», но не успел сказать что-то насмешливое, как Божественный Владыка Цин Ду бросил на него взгляд и тихо предупредил:

— Тише.

Нин Чжи усмехнулся, тоже понизив голос:

— Почему он всё ещё спит? Уже время открывать Диск Восьми Звезд. Цин Ду, когда ты пойдёшь?

Шэн Цзяньвэй бросил взгляд на спящего и быстро отвёл глаза:

— Подожду ещё.

— Ты можешь подождать, это не срочно, — Нин Чжи тоже посмотрел на него. — Но Ци Гу спит слишком долго. С тех пор как он вернулся после испытания, кажется, он не в лучшей форме. Ты его осматривал?

Шэн Цзяньвэй кивнул:

— Ничего не нашёл. Возможно, испытание было слишком тяжёлым и истощило его дух.

Нин Чжи задумался, затем добавил:

— Я пришёл, чтобы спросить тебя, что делать с буддийской лампой? Как вернуть утерянный дух лампы?

Услышав это, Шэн Цзяньвэй вспомнил кое-что ещё:

— Когда ты дал ему лампу, в тот же день он почувствовал недомогание. Это как? Слова парня с горы Линъюнь могут обмануть смертных, а вот это было твоей идеей?

Нин Чжи поспешил откреститься, оправдываясь:

— Это не я! Я дал ему лампу, думая, что он находится рядом с тобой, а лампа была с тобой тысячу лет, так что она тебе ближе. Я думал, если он будет носить её, возможно, удастся призвать дух лампы. А вот почему у него болело сердце, я действительно не знаю. Если это не связано с лампой, то почему после наложения печати боль прошла? А если связано, то я долго исследовал и не могу понять, как этот священный артефакт от Небесного Достопочтенного Тройной Чистоты может причинить вред.

Шэн Цзяньвэй помолчал, затем произнёс:

— В таком случае пусть он больше не носит её. Если дух лампы не найти, то пусть так и будет.

Услышав это, Нин Чжи встревожился:

— Эту лампу с таким трудом нашли! Не говоря уже о том, что искали сотни лет. Это же священный артефакт, как можно просто от него отказаться? Если из-за того, что ты потеряешь лампу, возникнут проблемы, Небесные Достопочтенные Тройной Чистоты тебя не простят! — Нин Чжи, видя его равнодушие, с досадой добавил. — Тебя волнует только твой маленький ученик, он не может терпеть никаких неудобств. Ладно, пусть он больше не носит лампу, но дух лампы нужно обязательно вернуть.

Нин Чжи, помня о спящем Ци Гу, лишь тихо вспыхнул, не в силах успокоиться, и добавил:

— Ты говоришь так легко! Разве вещи Тройной Чистоты не важны? Только ты можешь так

легко относиться к их потере. Если бы ты не был тогда ранен, посмотрел бы я, как Небесные Достопочтенные с тобой разберутся.

Шэн Цзяньвэй не смотрел на него, даже закрыл глаза:

— Я понял. Я отведу его к бессмертному старцу, а скоро сам войду в Диск Восьми Звезд.

Нин Чжи удивился:

— Ты не позовёшь его с собой?

— Он не хочет, — Шэн Цзяньвэй снова заглянул под своё крыло. — Неважно, он слишком устал, пусть поспит подольше. Ты придёшь позвать его, когда время подойдёт.

Нин Чжи с полуискренним вздохом произнёс:

— Понял. Если бы ты меньше возился в мире людей, он бы не...

Не успел он закончить, как Шэн Цзяньвэй чуть не сбил его с ног. Человек казался спокойным и неподвижным, но внезапное движение его духовной силы было не шуткой. Нин Чжи не удержал равновесия, упал на землю, сел и застонал. Встав и держась за поясицу, он раздражённо сказал:

— Ни слова нельзя сказать! Какой ты мелочный!

Шэн Цзяньвэй даже не поднял век:

— Куда мы идём на этот раз?

Нин Чжи отряхнул одежду и с раздражением ответил:

— Ты знаешь, когда придёшь. Это не я решаю.

Он ещё ворчал:

— Берегись, чтобы не сбиться с пути перерождения, иначе станешь той кучей несчастных птиц, которых купил в прошлой жизни.

Шэн Цзяньвэй, услышав это, наконец открыл глаза и с усмешкой посмотрел на него:

— Ты многого не знаешь, не так ли? Много подсматривал?

Нин Чжи изменился в лице, поняв, что проговорился, и поспешил уйти:

— Диск Восьми Звезд иногда сбоит, это не моя вина. Я каждый день работаю на тебя, а ты меня угнетаешь. Только притворяешься добрым и нежным, чтобы обмануть своего наивного цветочка...

Последние слова он пробормотал себе под нос. Нин Чжи, чувствуя себя виноватым, не стал больше спорить и тихо ушёл.

Шэн Цзяньвэй сидел неподвижно, чувствуя тёплое и ровное дыхание под своим крылом. Ещё немного посидев, он сдвинул огромное крыло, перевоза спящего к медитирующему.

Белое крыло слегка дрогнуло и исчезло, а спящий мягко опустился в объятия Божественного Владыки Цин Ду.

Шэн Цзяньвэй поправил волосы на его лбу, встал и направился в пещеру бессмертного старца.

Хуа Чжаошуй, даже во сне, почувствовал беспокойство. Его руки инстинктивно обвились вокруг шеи учителя. Боясь упасть, он прижался к нему.

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него и на мгновение замер.

Дойдя до пещеры бессмертного старца, он передал своего ученика этому добродушному старцу и нашёл место, где тот мог спать. Шэн Цзяньвэй, видя, что он всё ещё крепко спит, нахмурился и сказал старику:

— Если Ци Гу проснётся, не сочтите за труд осмотреть его. Возможно, он слишком истощён, поэтому так долго спит.

Старец кивнул:

— Божественный Владыка, не беспокойтесь.

Шэн Цзяньвэй подошёл к Диску Восьми Звезд и увидел Нин Чжи с мрачным лицом. Он не стал здороваться и сразу же направился внутрь, но Нин Чжи схватил его за руку:

— Ты уверен? В прошлый раз ты не позвал Ци Гу с собой, он был недоволен.

Шэн Цзяньвэй кивнул:

— Я надеюсь, что в этой жизни он больше не встретит меня.

<http://bllate.org/book/16756/1562973>